

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ПЯТЫЙ · ЯНВАРЬ – ИЮНЬ 2002 ГОДА · САНКТ–ПЕТЕРБУРГ

Бог весть по каким законам
развивается поэзия.

Кто знает
почему одно поколение рабски
следует традиции, а другое ее
крушит и рушит?

Но и упование на традицию
и хлопоты по ее низвержению –
часть того,

что в качестве Сообщения
оставляет человек,
исчезая во времени.

Не то чтобы у поэтов
не бывает учеников,
но настоящие поэты не бывают
ничьими учениками...

Новые поколения
являются литературу
не по календарю.

Пропуски и пробелы возникают,
быть может, тогда,
когда рутинным становится
голосоведение,
манера письма.

Вслед за теми, кто вошел в
литературу в 60 – 70-е и кому уже
за 50, 60, 70,
явились 30 – 20 летние.

Они пытаются избавить русский
стих от инерции рифмы,
они хотят писать просто о
сложном,
их интересно читать,
за ними хочется
следить с ревностью.

Литературоведение чистых кровей работает с мертвой натурой, и отстает обычно от реального развития литературы лет на пятьдесят. Сохранение и изучение текстов настоящего времени уже давно стало делом самих поэтов, точнее: так проявляется основной инстинкт настоящего поэта, цель которого – превращение вечно меняющегося, текучего субстрата жизни в Текст. В известном смысле наследие хорошего поэта – собрание остановившихся мгновений. Но охотников до собирания этих мгновений можно по пальцам перечесть и не во всяком литературном поколении они сыскиваются. Поколению, определившему физиономию поэзии 60 – 80 годов повезло: основной инстинкт вел трех поэтов, трех собирателей, трех публикаторов. Ковалев, Кузьминский, Кривулин. Три счастливые карты, выпавшие русской поэзии XX века. Два года назад преодолел земное тяготение Григорий Леонович Ковалев, год назад – Виктор Борисович Кривулин... По прошествии лет фигура Константина Константиновича Кузьминского представляется все более значимой, а его затея с изданием Антологии современной русской поэзии «Голубая лагуна» сущностно важной как для развития самой поэзии, так и для ее изучения. «Неумение жить по-людски» – так определил особенность бытия адресата и героя своей поэты «Круг восьмеричных строф» Виктор Кривулин. Это «неумение» можно «поставить в заслугу» каждому из трех поэтов.

Тамара Буковская

***

Амбал-река
от волгаря
вблизи ника-
какая ря-

дом, как не-
река она печет
на стороне,
с какой течет

Амбал-звезда,
а неволгарь
песок кида-
ет на букварь.

***

Едок на мураве,
Иудович смя,
сам не ве-
дает, что ни пя-
ди под
муравой, од-
нако и нет
тверди или монет.

***

Водоно-
ше-
но-
вичку в уши на-
ду-
ло,
а
голо-
ву на-
пекло ночью под ду-
бом,
будто бом-
бе живой в ше-
лесте голо-
сов
несов-
местных
с нашествием местных
мер и весов.

***

Хлопают гра-
наты, гра-
чи кричат, пу-
леметы такают, пу-
шиночки, мальчик, удо-
черенный мужчиной, уми-
ляется за Доном, за До-
ном тятиной тоске и
его же зауми.

***

Цветовые ощущения Ци-
ли не-
ведомы цит-
русовому плоду ея, за-
ласканному природой ея, не-
дочеловек он,
о возлюбленном сыне
Отца ще-
бе-
чет он
на бе-
лые стороны света пуще
за-
витого Иссы.

***

Ширь степ-
ная в теп-
ле рас-
цветает, рас-
ступаются волглые го-
ры перед гос-
питальной на-
чальницей, запорошенная, наз-
начает она грязевое ле-
чение, сидя на осле.

***

Щебеночка под эв-
калиптом, э -
ге - ге, зе-
лена зе-
ло, а
времена-
ми чер-
на, как че-
ремуха и не пах-
нет, и не па-
губна для ле-
тосчисления, и нету райского тол-
ка от нее летом
тетке толстенной.

***

Фиксирует по-
вязка фин-
тифлюшку в по-
ложении фин-
но - угорской язы-
ковой группы, зы-
тель, неча искажитебуч носилю пе-
нять на него пердунье.

***

Абсолютное боль-
шинство ал-
тынов и ал-
тынчиков аля-
повато от Бо-
га и от кра-
соты его, и от ко-
личества ра-
ковых клеток в кост-
ромском ба-
тюшке, из-
гоняющего раба на зорь-
ке крас-
ной из
се-
ребряного предсердия
в зо-
лотое сердце.

***

Бесценная псина на поле про-
сяном про-
пала и бас-
та, и э-хе-хе, и ба-
циллы зла без-
вылазно про-
жили од-
ну тридцать третью часть го-
дины, и оди-
озная деревенская гос-
тья прос-
то безу-
тешна, как Господь.

***

Вотще те-
ленок, как птичка чу-
рается вод-
ки, во-
обще-то звонкое ве-
ять зер-
но с ним инте-
ресно чут-
кому зве-
рю в зе-
ните сла-
вы сла-
вянского Христа, си-
речь пи-
ликать о сись-
ках и письках.

***

Единожды в своей жиз-
ни и в следующие ее нера-
зочки де-
девьяностая де-
дова шапка от из-
бытка безотказных ра-
ботниц господствует в воздухе, дерь-
мо за ними вы-
носит в ковыль.

***

Жарится на сол-
нышке буро-
малиновая ко-
пия хлеб-
ной ко-
рочки, ле-
денит ее серд-
це Ванечка, Ванечка со-
рок со-
роков се-
рых полдней,
сиречь сперму под ней.

***

Облаяла сот-
ника, сотника солнечная со-
баха, собаха, от-
шлепала его, от-
далась его во-
ле, разожгла плоть его и хоть
его, чудо, чу-
до как хо-
рохорится хо-
роший китаец Прохор, Прохор
во время чумы
и вообще.

***

Погремушка красна, крас-
на на рас-
свете, черным, черным мо-
нахом она живет на мо-
розе с неприятельницами, непри-
ятельницами сво-
ими, как вод-
ка в при-
роде дневного, днев-
ного гнева.

ДРЭЛИ КУДА ПОПАЛО:
Антон Марина Борисов
Гера Шипов
Господин Четыре
Вадим Дрогов
Роман Громов
Сергей Югов

Уже - послезавтра

мы перетекаем
 смешиваемся
 взаимозаменяемся
 становимся друг другом...

так я стал тобой и уже не помню
 твоего лица...
 все-таки жду нашей встречи...

уже – послезавтра.

01/01/01

солнце поднимается
 солнце садится

люди появляются
 люди исчезают

время течет как воздух

окурки и конфетки
 замусоренные безлюдные улицы
 Токио

все свои отпечатки пальцев
 она забрала с собой

Великий Космос сжатый
 в кубики льда
 12 штук в одной упаковке

она зажгла в губах сигарету

она сказала – хочу переспать
 с тобой

и мы переспали

незнакомый голос

чье-то дыхание шепчет слова

незнакомый язык

остается наблюдать, как умирают
 желания

молодой человек в костюме
 рождественского деда

заметив вас в толпе
 на перроне – он машет
 вам рукой

ничего не осталось.

ПЕТИ-ЖЕ

Здоровое тело –
 здоровье души
 выпить сок груши
 съесть буше
 заглянуть на

безалкогольный
 фуршет
 на ужин
 встретить
 женщину
 в ниглеже
 стать ее мужем
 чтобы быть ближе
 слушать Бизе
 отдыхать
 под тентом
 на пляже
 наблюдать
 как она пляшет
 совершать вояжи
 в утренний туалет
 Богини
 надевающей на себя
 макияжи

Аки я же, –
 – Поэт
 в любовном
 пассаже
 протягиваю
 букет

ЛЕТО

вытекает
 остывшее лето
 из города
 которому некуда деться
 двадцать пять раз
 ты видишь это
 пробуждаясь на постели
 одетым

утро
 мы знали
 что будет утро
 мы не знали
 когда
 поверь
 твоя камасутра –
 лишь отпечаток
 солнечного следа

весна найдет нас
 на порогах домов
 что нам делать,
 весна?

вонзай же свои кинжалы
 наши глаза
 дымятся небом
 и новым рассветом
 и лежалым
 снегом
 и летом
 что вечно снится
 остывшему городу
 этому

ДОСТОЕВСКИЙ F.M.

Как – туз
 не идет в руки
 снимаешь
 картуз
 и брюки
 ночь без скуки
 читаешь fuzz
 на бамбуке
 блюз
 не легче фуги

плюс
 15 тепла
 у моей подруги
 температур
 тела
 с утра
 танцуем
 ночью белой
 целуемся
 без сна
 беснуемся
 за глаза
 глазируемся
 гримируемся
 группируемся
 в позе узла
 линкуемся
 познаем
 новые слова
 секс-индустрии
 острые
 быстрые
 молодые.

O.K. COMPUTER

СТАЛО ВСЕ
 ПО – ДРУГОМУ
 КОМПЬЮТЕР
 СДЕЛАЛСЯ
 ДОМОМ

ВОЙТИ,
 ЧТОБЫ НИКОГДА
 НЕ ВЫЙТИ

- «COME BACK» –
 - КРИЧАТ ЗРИТЕЛИ
 ЭКСПЕРИМЕНТА
 ПИВНЫЕ USER'Ы
 ПОТРЕБИТЕЛИ
 ЭЛЕКТРОННЫХ
 ЭКСКРИМЕНТОВ
 ЛЮБИТЕЛИ
 ДУМЕРЫ
 ВИДИТЕ ЛИ

ЭЛЕКТРОННЫЕ
 ГЕИ – ГЕНИИ
 С ДЕВИЧЬЕЙ ПАМЯТЬЮ
 В 20 МЕТРОВ
 ПЛАТЯТ
 И БАЛДЕЮТ
 ОТ РЕТРО
 ПЬЮТ
 ЛИМОНАД
 СИНТЕТИЧЕСКАЯ
 ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
 ГЛОБАЛЬНЫЙ
 ИНТЕРНАТ

ESCAPE!
 ESCAPE!
 НАУТЕК СМЫТЬСЯ!
 К ЛЮБИМОЙ
 ЕГОЗЕ
 В ПОСТЕЛЬ
 ВЫСПАТЬСЯ

SCAPE!
 SCAPE!
 БЕЖАТЬ
 ОТСЮДА

И СЛЫШНО:

«O.K. COMPUTER
 O.K. COMPUTER»

***

ТВОЕ ИЗНУРЕННОЕ ТЕЛО
ЛЕЖАЛО ГУБАМИ К СОЛНЦУ
И ГОЛУБИ ТИХО ПУСКАЛИСЬ
ЛОВИТЬ СЕРЕБРО ТВОИХ РУК
И ПЛАКАЛИ ДЕТИ КОТАМИ
ОТ СЧАСТЬЯ НАДЕТЬ ТВОЕ ПЛАТЬЕ

ЖЕМЧУЖНОЕ ПЛАТЬЕ
ЧТОБЫ ЛЕТЕТЬ НА ВОСТОК.

***

КАК ГОЛУБИ В ВЕСЕННЕМ НЕБЕ БОМБЫ
И СЕРДЦЕ РВЕТСЯ
ИЗ ЧУТЬ ХЛОПКОВЫХ ШТАНОВ

ИДУ ОДИН В ВЕСЕННЕМ
СНЕГЕ
ОЧЕНЬ МОКРЫЙ

И РОТ В ПОМАДЕ МОЙ ПОЕТ О
ТОМ
КАК ГУБЫ ЛЮБЯТ СПОРТ.

***

Задумчиво в красном берете
Под кленом
Стоял
Смотрел вдаль

А руки
Ласкали восход живота.

ЕЙ С УТРА

УТРО
ОНА
Я
ВИКТОР

КУХНЯ
ОНА
Я
СТОЛ

ТИХО
ОНА
Я
ДИКТОР

РЯДОМ
ОНА
Я
КРЕПКО

СПИТ
ОНА
Я
СТУЛ

Я ВОДКА
ОНА
Я
ДЕТКА

ВИКТОР
ОНА

ЧАЙ

ЖМУРЯСЬ

ОНА
Я
КИСКА

СОЛНЦЕ
ОНА
Я

МАЙ

25 СПОСОБОВ БРОСИТЬ КУРИТЬ

нос по ветру
бросаю, иду,
в урну сигарету
свою курю

легкий сигаретный
дым для
легких
людей
секретный
враг
стелится
в фокусе стен
делится
рак
размножается

зайдет в легкие
заболтается
растреплется
на языке своих
теплится надежда
на двоих
уйти
между двух и пяти
сквозь клешни вспениться пивом
навести криво
круги и краски
на карие глазки
любимой
мозги
маскировать
под гримом
под сказки
делать мимо
ласки
мнимо
напоминают
пантомиму
старое пианино
играет странное:
марш никотина
повальное влечение
половина
на излечение
половина
на удобрение
от курения

нос по ветру
бросаю, спешу,
в урну сигарету
свою душу.

ЛЮБОВЬ

Замурован
в прицельном взгляде
олово
слова
свинец объятий

отданный
пустой постели

разодранный
о ее веселье

либе - либе
аморе - аморе
гибель-
лучшая из историй

смерть-
любимое средство от жизни
не надо смотреть
лучше лизни

худеющий
сухая травка
тебе еще
не до завтрака

опознан
своей собакой
кажется
поздно
срывать рубаху

все готово
взлетел с кровати
мерил оковы
твоих объятий

Воскресения

Я бросил свои воскресения
холодному глазу окна
я больше не мог
дни рождения
обмакивать в кружки вина

а утро садилось мне на руку
и день узнавал
как я стар
как ты превращаешься в бабочку
и лижешь мой теплый нектар

как песня становится знаменем
и ветру везде хорошо
как
на пол
теряя сознание
я выронил мятый смешок

как ночь извивалась в истерике
как свет протыкал этажи
и как я люблю
понедельники
когда начинается жизнь.

***

ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ
В ГУБЫ
ОСЕННИЙ
ПРОХОЖИЙ
РАССКАЖИ КАК
РОЖДАЮТСЯ
ЖЕНЩИНЫ

***

В середине ночи,
возвращаясь с Кононихиними
по разъезжим, марата, литейным,
рассказывал им
про «кафе у Селина».
они от души смеялись

Евреи - хорошие люди.

ПЕЛЕНА (1988-1989)

***

Под Рождество в этом году
падает дождь
скользкие черные льдины
редко так падает каплями
и в каждой напоминание
об *этом* больном неслучайном
как назвать *его*?

обломками сердца
иголками совести
семенами проросшими где-то
и ставшими чудом?

Пугающим ночью
кричащим?
невеселой капелью
на ресницах
почему-то все время сухих?

ПСКОВ

и в артерии выброшенный
ток русской крови теплеет не он ли
тот воздух принес -
омовение
(Батори Иштван - легат католичества
перед твердыней схизматов
и этот - другой - растерянный венценосец
в железнодорожном составе)
не он ли (тот ток)
оросил нависший над этой рекою
лица наши иначе окрасивший
(не берусь передать его цвет)
небосвод
но могут быть верно угаданы руки
что вражду отвели
о как далеко этим током ты выброшен
город подозрительных звонниц
двух отречений истец

НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ

в комендантский час искусанные
пальцы барабанили
по клавишам милого Моцарта
М.-Л.Кашниц

На исходе советской эпохи слышишь
смогкла возня смертоносная
угрюмых владык
но что это более властное нас пеленает
в серый свой плащ
Да я не видел этих искусанных пальцев
лагерные гнойные раны
в детстве моем уже заросли
так кого ж обвинить мне в том
что кисти безвольно поникли и нет сил разучить
на втиснутом в бетонные стены
пианино «Красный Октябрь»
эту мелодию
Ливень ливень поит теперь эти нивы
эти забурьяневшие пространства
нашей послеколхозной земли

И ВОТ ВЕСЬ МИР - МОСКВА (РЕПЛИКА)

Когда Народ
глагол
который значит
нет

Айги

И вот весь мир - Москва
где августовский свет
(храни Господь собор
незавершенных лиц)

Здесь август как ковчег
среди Твоих дождей
(но если это так

то отчего же дрожь?)
Храни Господь Свой мир
в кругу бульварном там
где возложен венок
из высохших ветвей

АВТОМОБИЛЬНЫЕ ТЕРЦИНЫ

Nigrorumque memor - И И ignium*

Horatius. Carm. IV. 12. 26.

и опять эта осень
и в инее мертвые травы
и рассвет к полудню все ближе
нагадай мне
(кто это «ты»?)
которая станет последней
нелегко вероятно
- И И -
навсегда уходить в это серое небо
- - -

ты знаешь в середине пути
размеры стихов все равнее
все равномерней дыханье каденции глуше

так давай остановимся
протри запотевшие стекла
И - И И - И
расскажи что-нибудь
(смотри как пылает вон тот фантастический куст)
не дай мне уснуть

* * *

и как случайное перемещение
тебе вдруг невиданный
(хотя ты столько раз бывал здесь)
простор открыт
так обертоны голоса случайные
и хочется сказать себе *любое*
а вымолвишь *надежда*
и покачнутся
в глазах закрытых
благоухающие липовые парки *родины*
и *отечества* поемные луга и в воздухе сыром
крестьянский разговор разносится

это пока слова сложились и нескованно стоят *стихи*
произнеси их

ПАСХА. КУРЕМЯ

Монастырь ложно-русский
словно в осаде подснежников у подножья стволов
в лесу оккупированном
как назвать мне
прорыв этот (да и прорыв ли)
не лукавая душой не кривя
- - -

ведь не навернулась слеза ни на одном повороте
шоссе с росшими веками оградами
из выкорчеванных валунов
и не заклочотала привычно гневная,
при переезде границы
финнофилия
и родник чудотворный пощечиною горячей обиды
не остудил
- - -

но что же тогда этот (впервые) рассвет
этот ковш у святого колодца
эти тучи дождь источающие на обратной
до спазмы сердечной такой нежеланной дороги
и под звон колокольный *вещами* в набитый автобус
О Востоке Востоков

* Памятующий о черных кострах

***

Человеческая фигура, освещенная солнцем,
с забываемой головой, стоящая почти отвернувшись,
но глядя внимательно прямо тебе в глаза —
такова аллегория счастья.

Астры ее груди плывут в длинной лодке тела,
ушаченное что-то скрывают. Ромб рыбы в чистой воде
холоден, но священен. А значит — сладок.

Человеческая фигура, освещенная солнцем так,
словно бы по всему миру прошел целительный ток,
сеет себя в лодку, обхватывает руками колени,
замыкая себя же на долгий срок.

Все, что вокруг нее, стало намного чище.

Такова аллегория счастья — улыбочива без причины,
ничего не ловит, не ищет и понапрасну не ждет,
словно ребенок, берущий плоды со стола
в доме людей, которые в браке бездетны.

***

Соленьями пахло до четверга следующей недели,
и жили шары белого неба и в нем, и в доме, который
не опустел после. Но «я» — не было.

Бесшумно ходили по комнате: ровные длины окон,
бесцветная печь, еле заметные стены и одеяло, —
все являлось плотью и кровью, словно кинематограф.
Некрашенный пол поддерживал, напоминая о чем-то.
Немного поговорив, он закрывает тему.

И не нужно было искать в энциклопедии иероглиф
или помнить: вчера курчавый жилистый парень,
пораженный болезнью ног и дефектом речи,
продал мне пластырь. Инвалид говорил долго.
Пахло деньгами — и в нынешний полдень слышно.
Долгую речь продавца видно было так плохо
из-за мычания. Люди молчали. Но считать каждое слово
стремился еле заметный кинематограф.

ГАЛКА

*наземный городской транспорт
автобус троллейбус
надпись по серому черным
галочка
нуль*

1. Галка пролетит над человеком в комнате,
запертой изнутри три часа назад.
Промелькнет птица, не зная счета
своим темно-серым крыльям.
Ты, галка, что,
пила ли воду, наполнив полупустую
чашку камешками?
Что, галка, ты
задела крылом снег?
Во вчерашней газете смешной фельетон
для взрослых — тебе гнездо.

2. Когда он курит, он думает, что он думает, —
вспомнил человек в костюме, открыв
дверь и увидев в окно галку, пролетающую над садом.
Когда он читает книгу, думая: вижу сад,
почему же мысль не хочет давать утешение?
Привезённый сестрой четырехтомник русского писателя
узаконил меня в моей прокуренной комнате.

3. (Тревога о галке)
Перед колодцем, запертым в листве сада,
тревожилась младшая сестра о птице, раненной кошкой.
Не посмотрев в энциклопедию,
она вспомнила: птица называется «галка».
Кошка подкралась сзади

(как бы изнутри),
захотев уничтожить, захотев
выпустить душу галки в холодный воздух,
на какую-то там свободу... Младшая
ночью старшей рассказывает тот страшный день.

4. Занимаясь письмами он нарочно пропускал буквы
и, когда все уснули, скормил галке, как зерна.
Без восемнадцати пять показывали часы,
когда он вышел из клетки в сад.
Сегодня должна быть видна Венера.
Утро — Венера Земная — ей помешает,
и отец завопит:

5. Да, всем вашим невротикам-модернистам,
чи лица — сплошь
будто палитры с красной и серой красками,
нужен дым табака — призрак полета галки!..

Кричи, кричи, бесконечный отец,
только ночью уснешь и ты, а я — утопну
в иволговом дыхании.

***

Сегодня, на закате водонапорного лета,
оказавшись среди несуществующего колокольного звона,
оказавшись в спальном районе Санкт-Петербурга,
вспоминая, тоскуя о тусклых ребрах воды,
ощутил я удар по башке киянкой Фроста,
упавшей с последнего этажа.

***

Ложь — зашитый в твоей руке нож,
поэтому ты несчастна.
Я надеялся, что назову ирической лирику,
я надеялся, что «я» станет рифмой к окончанию
твоей фамилии,
но мрак тела, которое некуда тебе деть,
но родители, мешающие писать на холстах смерть
и жизнь — заставили улыбаться тому,
кого ты хотела перешагнуть.
В путь, любимая! Мои внутренности от «А» до «Я»
наполнены счастьем
видеть твое лицо, неисповедимые волосы,
чистоту непрочитанных глаз
бирюзовых, пусть даже если черных.
Я помню. Но помню ту, которая умерла
в глубине моей грудной клетки.
Я зря пытался любить
тебя, невиновную в том, кто ты здесь.

***

Впервые длится летнее исчезновение памяти
(когда как бы не существует источника света) в длинных
движениях почти белой природы.
Но иногда мрак современных домов попадает
в дыхательное горло,
и вот — подобие смерти,
далекой, как Ленинградская область.
Если отъехать от города, встать в поле и спросить,
еле шевеля губами:
где уважение к реальности, сладостной или горькой,
то прекратится судебное вмешательство определений,
лишь разговоры трав, к ночи окраску теряющих,
да речная вода, ставшая дождевой.
Внимательное отделение себя ото всего остального —
талого или мерзлого —
измеряется, как глубина Белого моря.

МИРУ – РИМ

.....с.с-у

лицо кузьминского без грима
похоже на руины рима
с клоакой тибра, скажем прямо –
над чем там варвар хлопотал
переводя чугун на мрамор
мадам, что в рим оконной рамой
в париж, в париж – о, мелодрама
и модильяни хорошел

в амбаре нобель кажет фигу
того гляди поедет в ригу
к варягу в гости и ко фрягу
рыгнув, откушавши рагу
ирландского
пья чай китайский
в тот бесконечный вечер майский
но выпит, выпит ром ямайский
и огого и ни гугу

нам гугенхайм никак не светит
гуго хайм ногой в балете
но кто там попочкой болеет –
барышников? и шмякнув шмат
викинга с бодуна на сцену
чи там калерия насцала
вертя бедрою и сосцами
но в роме жив триумвират

за самоваром моя маша
она поет калинку, машет
и трет, и трет лорнет свой замшей
и печень в трюфель и в паштет
замшел поэт, его приколы
вдовой соломенной соццани
и флейтой-пикколо у школы
марьяну тешит соломон

история искусств в нью-йорке
вполне подобна хлебной корки
и устриц раковин чьи створки
раззять не можно
оговорки
нахамкин, глезер – о, проворны
и неизвестный им с платформы
зубилом машет для проформы
и профурсетки –
трут кремЕнь

в кремле но с вовою, в гляделки
худог устроил посиделки
да уж давно уж мы не целки
сказал целков (гудел кабак
и янкель в скрипочку играя)
и ирка генис вайль рая
подштанники мужьям стирая
над всем гудел безмолвный бах

кругом возможно бах, и точка
зане тупицыной сосочка
не можно усом
дева-бочка
катиТся красным колесом
по городам, мудьям и весям
и песен хочется нам, песен
меж трех холмов
(пардон, трех сосен)
маня наречием «сосОм»

сосонник голубой увядший
зане сорбонною чуваша
почетным логою увенчаны
но эткинд – дудкина – стой!
памелюю ты стала
дудин
уже возлег на член иудин
что по-союзовски был блуден
толстых пустили на стой

раевских (что в князьях без
титла)
ехидный старк (чти: аист) тако
заметил, где ты (о)зЕро тахо
и титикака
тихо-тихо
зерО зерО
и ни зерна
и руфь зернова (серман,
слышишь?)
на королЕву сверху ссышь ты
на татре в тарту едешь с лыжами
и лотман пятится* в окно
(* опечатка: пялится)

структурализм меня доставши
своей парашей у параши
и бледный юз под паранджою
на битова наточит ус
о них, о них вся пресса пишет
аннетта с виттой в роли пышек
а я о обезьяне пишек
вздыхаю
о поэте с.

да, был поэт
такое время

и нам оттягивало вымя
но шир уж не поет, а воеет
ужасным глазом меря мрак
меж блат пальмиры – зри:
сортиры
и красный бор, и кирасиры
а я не пивши кюрасао
с техаса, сам себе не враг

уходят сратники, уходят
стопой кривою в небо дУхов
в париже, в тюбингене, в Ухте
(в ухтЕ бухтя?)
в светтени бухты (еремина)
поя: эй, ухнем!
и ухналев плывет разбухнув
и лисунов, и лисенков

который не издатель, коля
(которых не было) доколе
до декольте и до декокта
и до кокто, и до кокто
куда мои портреты сплыли
я превращаюсь в горстку пыли
дантесов не дождавшись пули
(давись, галушко!)
оним сим

почти полвека миновало
и мышь-полевка (бурозубка)
уже беззубо хлеб жевала
потерты жвалы
небо безобразно
над божьим градом (лордвиллом)
и гололедом
грозит прогноз
шевчук спешит с кассетой
кассандра, сбереги их
утро вечер
и ночь
в метафизическом буклете

я «с.с-у» сиих буколик посвящаю

/2.00, в ночь на фторнек, он же
понедельник,
17 декабря 2001, спросонья/

прошлым летом мы с моей подругой анисой
были в петербурге
и ночевали там в комнате
которую снимает ее подруга нюта
в каком-то промышленном районе
на станции метро “Нарвская”;
там стоят
небольшие двухэтажные
или трехэтажные
дома
по несколько квартир
в каждом доме;
там очень много
песчаных пустырей;
дома в том районе
буквально утопают в зелени,
а под окнами
сушится белье;
хозяином квартиры
в которой нюта
снимает комнату
был дед
лет шестидесяти,
бывший геолог;
у него была
довольно загаженная
квартира;
нюта разрешила нам пожить
в комнате
которую она снимает
потому что она сама
в это время была
в москве;
мы утром приехали в петербург,
вечером пришли ночевать
в эту квартиру,
а ночью,
когда мы уже легли спать,
этот дед
привел в квартиру
двух проституток;
им было
лет под пятьдесят;
это были
такие матерые пожилые бляди;
они втроем с дедом
очень долго
сидели на кухне
о чем-то разговаривали
и кажется
пили водку,
а потом
они втроем
вышли в коридор
встали прямо перед нашей дверью
и эти бляди начали
уговаривать старика
совершить с ними
какую-то сделку;
(по-моему
они уговаривали его
обменять
его квартиру
на какую-то другую
или прописать их обеих
в этой квартире
или что-то в этом роде);
дед отказывался
заключить с ними
эту сделку
а они наседали.
“кто у тебя в этой комнате?”
спросили они у деда,
а он им ответил:
“квартиранты”
я был рад

что аниса спит
потому что мне
в какой-то момент
начало казаться
что они сейчас
начнут угрожать старику
потом убьют его,
а потом убьют
“квартирантов”;
в результате дед сказал этим шлюхам
что заключит с ними
сделку
которую они хотят
если только они сейчас же
переспят с ним
(обе)
он очень долго
их уговаривал
он обещал им
по десять оргазмов каждой
(от так и говорил)
но проститутки
отказывались;
они сказали старику:
“вот обделаем все
тогда и получишь”
они с ним
так ни до чего
и не договорились;
бляди
ушли под утро;
на следующую ночь
мы с анисой
не стали возвращаться
в эту квартиру
а ночевали
у знакомого кости
в его квартире
не помню
на какой станции метро;
в петербурге
такие истории
часто происходят;
однако почему-то именно после *этой* истории
я впервые предположил
что Достоевскому не приходилось
выдумывать
свои конфликты и своих персонажей —
его запутанные красивые конфликты
одно воспоминание о которых
повергает меня
не только в какой-то сладострастный ледяной ужас но и в восторг
порождены
этим “умышленным”, как он говорил,
городом;
я думаю, есть что-то мистическое в том,
что это произошло с нами
в первую же ночь,
хотя я очень далек от мистики,
я далек от нее настолько
насколько может быть далек от нее допустим врач
с другой стороны я думаю что врачи как раз и не чужды
мистики, в настоящем враче
всегда есть что-то от знахаря
поэтому я как раз вряд ли смог бы
стать врачом
но если вдруг я бы стал им,
интересно, какое тело тогда доверили бы мне —
наверняка полумертвое, отравленное наркотом и наркотиками
и уж во всяком случае, это не было бы тело женщины, про которую
Лоренс Даррелл писал в письме Генри Миллеру,
что “желание поднимается у нее буквально от самых ступней”
и это не был бы русский язык, с которым я делаю, что хочу,
и который со мной делает, что хочет.

я хотя и конкретист,
но мне очень интересны иллюзии;
мне нравится
думать об иллюзиях,
нравится
смаковать
или развеивать их;
одна из самых интересных
мне в последнее время
иллюзий
состоит в том,
что человеку, допустим, кажется,
что он что-то про кого-то знает,
а на самом деле, он ничего и ни про кого
не знает -
(ничего не знает –
потому что *не может* знать)
вчера я сказал своей подруге Анисе:
Видела людей,
сидевших рядом с нами в “Муму”? –
это типичные бандиты,
а аниса сказала,
что слышала их разговор,
и из разговора было понятно,
что это никакие не бандиты, а врачи,
обыкновенные зубные врачи
я был очень расстроен тем, что так ошибся,
при том, что у меня есть опыт,
у меня очень наметанный глаз на бандитов (*шутка*)
однажды я провел несколько часов
в заложниках у бандитов
вчера мы с анисой ехали в метро
и напротив нас
сидела молодая семья –
очень красивая девочка лет восьми
с белыми волосами,
ее мама, тоже довольно красивая,
но непохожая на нее,
и совершенно некрасивый папа;
позже выяснилось, что это не папа,
потому что девочка
называла его “дядя Саша”;
они держались за руки
(я подумал еще до того,
как понял, что он не папа:
“надо же как,
дочь уже такая большая,
а они еще держатся за руки”)
и Аниса, как потом выяснилось,
точно так же подумала;
что всё это значит?
о чём это может говорить?
может, это кому-нибудь что-то
объясняет?
(может быть,
это кому-то о чем-нибудь
говорит?)
мы все живем в мире,
наполненном нашими представлениями;
существуют мифологизированные места:
кафе, вокзалы, больницы
(особенно кафе)
можно сказать,
что этих мест
как таковых и не существует -
настолько они мифологизированы:
люди в них
едят пирожные, пирожки, пьют воду, чай, сок,
они болеют, они выздоравливают, они
умирают,
но делают они это все
на свежем воздухе
в гулком пустом пространстве
(в изумительном бракованном воздухе,

в смутном густом пространстве)
я считаю (я думаю),
что хорошо бы
что-то сопутствовало им
в этом путешествии
по несуществующим местам,
хорошо бы все-таки
что-то реальное, *родное*
тянуло,
сопровождало бы их,
неплохо если б у них
была
хотя бы какая-нибудь опора
или во всяком случае какая-нибудь
иллюзия веры
в этом странном времяпрепровождении;
кто проводит тебя,
когда ты будешь уезжать в соседний город
по каким-то мелким делам?
кто будет провожать тебя?
кто придет,
когда ты больше не сможешь
пить, есть, спать, сидеть
в одиночестве? кто подъедет
кто *нарисует*ся
кто встанет рядом с тобой тогда?
кто придет
и встанет рядом с тобой
когда тебе покажется, что тебе
пора умирать?
кто придет
и встанет рядом с тобой
когда тебе не покажется, что
пора умирать?
кто погибнет, кто высветится,
кто испарится
*я вижу людей в супермаркетах
и универсамах*
я вижу толпы людей в метро
люди, идущие по своим делам,
люди, идущие в наряд
люди вступающие
в бесчисленные политические партии;
все они непросты
все они о чем-то догадываются
но думаю все они были бы рады
узнать кое-что наверняка:
*никто не придет к нам
когда нам начнет казаться,
что нам пора умирать
никто не помешает нам
насладиться сполна
этими минутами*
(а уж наши боевые соратники
точно не помешают нам
сполна насладиться ими);
стоит ли тогда вообще
на что-то рассчитывать?
можно ли пообещать что-то
игрокам, солдатам,
телевизионщикам, зубным врачам?
кто утешит провинциалок,
приезжающих в крупный город
с уверенностью,
что их тело может принести им ВСЕ?
я не знаю,
кто их утешит, я даже не знаю,
кто *уломает* их,
я только считаю,
что развеивать иллюзии
безусловно надо -
нет ничего более поэтичного,
чем развеивание иллюзий,
нет ничего страшнее
чем надсадное, гулкое, угрюмое
смакование
или развеивание их.

ИЗАНТОЛОГИИ АВТОБУСА»

Из книги «Каталог случайных записей» (2001)

Каталог случайных записей

аттракция и рефлексия

1.
когда-нибудь тоже наша эпоха
будет извл. из библиотечного праха

не будет даже в каталоге нет
генеральном притушен свет
и в гардеробе очередь считать
по главам нет не нас идет читать

и эта метафора корявая
наша эпоха истрепанные брошюры
прошлая эпоха переписанная в тетрадки
перепечатанная на разбитой машинке
с архаическим шрифтом
позапрошлая фолианты
отдел черновики РНБ
лица полей
остромирово евангелие

2.
боишься разочерования

куда его бояться на обложке
тетради белокартонной
с листками читательского требования вовнутри
в автобусе час плюс четыре монетки икарус пик
коммунизма восьмидесятые годы

3.
больше о дне сегодняшнем

и о вчерашнем по-горло
завтрашнем до-краев

помутнении алкогольного
души и мозгов
прекрасно порывы ветра
города огни горят
незаметно
говорят
больше о дне сегодняшнем

4.
*ед. хран. утр. безвозвр.
на обор. завтра веч. повз.*

5.
насморк-I
*я еду в троллейбусе в парк номер два
в троллейбусе пахнет сушёным бананом*

насморк-II
*в честь праздника устроили закат
и на реке невели прорезали фарватер
в маршрутке пахнет бензином*

насморк-III
и маленький двойной звонок трамвайный

насморк-IV
из библиотечного срама смрада свободы
слова своды совести свести свисти
городовой
Зянварь-Февраль 2001

Из проекта «музей» (2001)

Зимняя сказка

Там, где сорок шестой автобус бродит,
и где русалка по ветвям проходит
то расстояние, которое равно
странице книги, если на метро,

и трем страницам, если на трамвае,
забились, говорят, при белом снеге,
и космосом искусственную реку
махали долго. Дымом из трубы
несло в танцующем от печки мире,
невдалеке виднелось слово «море»,
«продукты» заслонило словом «с новым»,
а «годом» подчеркнуло слово «рыба».
Потом пришла конюшенная лошадь
и рассказала этот анекдот.
Он в жанре эпоса оформлен не был,
он был лирическим, лиричным и неточным,
скажем был он неточным слогом
и начинался, помнится, вот так:

*«Там, где сорок седьмой автобус водит
нас за нос, за нос нас, нас впрямь за нос,
где кто-то снегом улицу занес
в почетный список расчищаемых объектов;
там, где тридцать восьмой троллейбус движет
сугробом по обочине и лижет
поребрик от мороженым бортом
[вот здесь вот это – не о том]».* Потом:
*«Там, где прошел двенадцатый трамвай...»
22-24дек98*

К «Зимней сказке»

название – из какого-то немца, далее построчно

1. автобус: м. Черная Речка – Смольный, проходит мимо Летнего Сада
2. То есть, между тем, где АС Пушкин творил и умер, между жизнью и смертью
3. -
4. расстояние условно, определяется скоростью чтения
5. и скоростью движения городского громыхающего транспорта
6. контекст встречи и контекст наркотиков, еще речь о времени суток
7. меняли сигареты на папиросы (искусственная река – Беломорканал), еще контекст Белки и Стрелки
8. можно убрать точку
9. два автоконтекста (а солнце все еще висит над снегом – сибелиус, 1997) и (кондуктор пляшет от трамвайной печки – кавычки, 1998)
10. еще автоконтекст (мне снова снилось слово море – в честь годовщины летних элегий, 1998)
11. подразумевается изначальная вывеска морепродукты»
12. годом – часть кривоисящего транспаранта над вывеской рыба; автоконтекст (толпа подчеркнута контактным рельсом – ода открытому пиву и новым турникетам в метро, 1998)
13. Конюшенная лошадь – было прочитано на такси, автоконтекст (на кузове машины было прочитано / огнео / пасно – вот топот сотен юных ног..., 1998)
- 14.-
- 15.-
- 16.-
17. скажем - альтернативно - сказан
- 18.-
19. 47 автобус: Университетская набережная – ул. Кораблестроителей, с каждым годом все реже ходит по Васильевскому острову
20. инверсивное разноударное построение, автоконтекст (вся книга «Лирика и элегии»)
21. см.сл.
22. синтаксическая фикция, хотя, возможно, такое и есть в этом мегаполисе – не только в Москве
23. троллейбус: Финляндский вокзал – Богословское кладбище, долгое время считался официальным транспортом киноманов, оттуда дальнейший романтический синтаксис,
24. подразумевается, что он ходит по нерасчищаемым как раз улицам
25. поребрик, чисто петербургская черта, здесь становится осознаваемым, видимым лишь благодаря троллейбусу
26. критика чистого разума
27. имеется в виду то место, где он пересекает Литейный, а ведь когда-то у него было кольцо на Конюшенной площади, так что рассказчик не случаен

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ТРИ СЧАСТЛИВЫЕ КАРТЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Три К: Виктор Кривулин, Константин Кузьминский, Григорий Ковалев – три знаковые фигуры последней трети двадцатого века. Благодаря им русская поэзия сохранилась, сформировалась и самоопределилась. Г.Л.Ковалев был живой антологией, его память берегла несметное количество текстов, кто знает, как бы сложилась литературная судьба Иосифа Бродского, если бы Ковалев и Кузьминский (при участии Бориса Тайгина) не собрали первую книгу его стихов и не переправили ее через океан в США (спасибо безымянному моряку), где она и была напечатана в издательстве Чехова в 1963 году. Кто знает, какое количество поэтических имен кануло бы в Лету, не будь они сохранены в антологии «Голубая лагуна», составленной Кузьминским и Ковалевым. Участие «Гришки-слепого» не ограничивалось только предоставлением текстов, – он обладал абсолютным слухом, абсолютным чутьем на талант, он как бы ставил тавро и прошедший «гришкино клеймение» мог продолжать жить поэтом. Стиль его устных ремарок легко узнается в блестящих (раздвздыжских) пассажах эссеистики К.К. Кузьминского, возможно единственного достойного продолжателя розановской традиции свободного письма, где нет строгой иерархии тем, пиететного отношения к литературным мумиям, где «чистые и нечистые» существуют в живом единстве. То, что обычно принято называть классической строгостью петербургской поэтической традиции, стало давить тяжестью саркофага, нужны были ирония эстета Кузьминского и свобода «разновчинца» Ковалева, чтобы ложная традиция была по КолЕблена.

Несколько десятилетий ушедшего двадцатого столетия прошли в оболщении героикой. «Великие граждане» оттеснили поэтов за кулисы, но оттуда видно много больше, чем со сцены, и там «спекается и варится» (по Е. Пазухину) то, что становится основным текстом времени. Да и с каким героизмом вровень можно поставить жизнь Григория Ковалёва, который мог разглядеть контур собеседника только при ярком солнечном свете, или В. Б. Кривулина, долженствующего ежемоментно преодолевать силу земного тяготения. Ковалев был для Кривулина не просто знакомцем, носителем текстов, собеседником – он был еще и доказательством естественности бытия в неестественных обстоятельствах. Сохранилась неопубликованная поэма, посвященная Г.Л. Ковалеву. Высокой пробы поэтический текст не входит в противоречие со сложной затекстовой реальностью. Человек является из внутриутробного мрака, чтобы потом уйти в мрак космический. В коротком промежутке ему дарованы свет и краски жизни. Каково же незрячему, который сразу попадает в этот мрак. Виктор Кривулин лучше других понимал это. Поэма написана в 1970 году, в пору, когда стихами Кривулина был пропитан воздух Петербурга. Если шестидесятые годы можно назвать временем Бродского, то семидесятые, несомненно, – временем Кривулина, временем его стихов. В них была вся полнота бытия – страсть, напряжение лирического чувства, метафизический опыт, ощущение философии времени и в лучших текстах звучал Божественный глагол. Позднее Кривулин будет издателем и соиздателем лучших самиздатских журналов: «37», «Северная почта» и др. и напишет одно из первых аналитических исследований поэзии 60 – 70-х годов. История поэзии – принадлежит поэту.

Три имени, три К, кроме личных человеческих отношений объединяет стремление к сохранению Текста, не только своего, но и своих современников. В Петербурге было три адреса: Большой проспект Петроградской стороны, дом №13 (Кривулин), Конногвардейский бульвар, теперь – бывший бульвар Профсоюзов, дом №15 (Кузьминский) и Апраксин переулок, дом №8 (Ковалев) – три точки почти равностороннего треугольника, по его сторонам неустанно перемещались молодые поэты в надежде вкусить живого слова или чего-нибудь льющегося так же свободно, как слово, излечиться «коммунистическим лекарством» (по Г. Ковалеву) от излишних пиитических восторгов.

Тамара Буковская

КРУГ ВОСМИРИЧНЫХ СТРОФ

Г.Л. Ковалеву

I

Неумение жить по-людски
я. быть может, поставлю в заслугу
отдаленному другу.
с кем делил и недели тоски,
и минутную радость. По кругу,
в Птолемеевых сферах, ни зги
вкруг себя не встречая, он мчится...
Нынче нету ему очевидца.

II

Слава Богу, не спросит никто
цель движенья и знание предела
у небесного тела...
Вот он мчится в ночи без пальто,
ни заботы не зная, ни дела,
словно миру невидим, зато
видя Землю с такой высоты,
что зрачки его мутно-пусты.

III

Так в младенческих бельмах плывет
перевернутом виде, в невнятном,
в направленьи обратном
космоватых вещей хоровод;
появляются лица, подобные пятнам
облаков на поверхности вод –
так отныне устроено зренье
у пропавшего друга из глаз,
но пока не в пучину забвенья.

IV

Иногда он звонит невпопад,
как случаются звездные ночи
среди пасмурных, прочих –
редко-редко, когда небосвод
не горбат...
Да и речь его рассыпью точек,
чуть светящихся, не аппарат
телефонный доносит сознанию –
разделивший нас холод и мрак
расстоянья.

V

И вдвоем разделяя стоим
одиночество Космоса. В трубке
шорох теплится хрупкий,
шопот слышен пустот, но двоим
в разговоре тесно, словно винт
мясорубки
нас притиснул друг другу – тогда
говорим
тихим сдавленным голосом каждый.
Что ни слово, оно повторяется
дважды.

VI

И, вдвоем разделяя стоим.
Одиночество Космоса. В трубке
шорох теплится хрупкий,
шопот слышен пустот. Но двоим
в разговоре тесно, словно винт
мясорубки
нас притиснул друг другу. Тогда
говорим

тихим сдавленным голосом –
каждый...
Что ни слово – оно произносится
дважды.

VII

Знать, земному зеркален простор;
где он дышит вне зренья земного...
Повторение слова –
не случайное эхо – повтор
и души, что к разлукам готова.
Друг на друга мы смотрим в упор,
сблизив лица настолько, что мрака
на глазах пелена одинака.

VIII

Что же не отвернуться ему?
ни себя отодвинуть на волос,
чтоб заочную волость
на секунду покинуть? В тюрьму
он повержен, в бетонную полость,
и свобода паденья во тьму
заключенья вседневно хуже...
Разверзается пропасть внутри –
не снаружи.

IX

Голос прерван. Прерывистый писк,
комариное пенье эфира,
где прохладно и сыро,
где витает, как сорванный лист,
невиновный мой друг – и откуда
сквозь дыры
с легким свистом – прохладен
и чист –
проникает мне в легкие воздух,
поселяясь в пустотах, как в гнездах.

X

Только так, отрешенно кружась
на кругах своих недостоверных,
как в воронках-кавернах
мелкий сор подпадает под власть
сил вращения – так же повергнут
в круговерть – ни взлететь ни
упасть –
только так, несвободен и движим,
друг мой Господу служит
доказательством высшим.

XI

Вот свобода: друг другу спиной
мы поставлены. Связаны туго,
локоть к локтю. Разлука
или встреча? Лежит предо мной
половина лишь жизни. Полкруга –
в поле зренья. Пред ним –
половины другой
простирается поле, какое не в силах
и представить...Приникли:
к затылку затылок.

XII

Но тому, кто связал нас, Тому
чей мы голос услышали оба
наподобьи озноба,

что в нетопленном долго дому
сотрясает все тело,
как скрытая злоба
друг на друга...
Сквозит отчужденье всему,
как в нетопленном доме...
Тому, кто услышан,
оба служим одним
доказательством высшим.

XIII

Подтверждения ждет ли от нас
в заболоченном озере ока
отражение Бога?
Расступается слабое темя, и глаз
глянул третий, запавший глубоко,
словно высохли слезы
или отблеск погас
первородных светил...
Если дух мой прозреет –
друг мой, чувствую,
глубже тогда и добрее.

XIV

Рядом зритель незримый, со мной.
Смотрит зал, затемненный,
безмолвный...
Равномерные волны
катит исподволь ночь на дневной
мир событий на сцене, наполнив
тайным смыслом слова, тишиной...
Так объем нам дается в финале
все друг другу простить,
онемев от взаимной печали

XV

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....Шекспиром
.....

XVI

Обратимся же вспять.
Я начальной строки
слышу отзвук: Поставлю в заслугу
отдаленному другу
неумение жить по-людски,
потому что и сам совершаюсь
по кругу,
от земного отдельному, и далеки
мне свои же слова – цепь огней...
Но в зиянии пауз
необъятный раскроет объятия Хаос.

XVII
кода

Угасает анапест мой, гаснет,
смежаю ресницы.
Отлетающий голос
под куполом храма, как птица
с гулким каменным эхом
хлопочет и плещет крылами...
Кто же в мире ответит ему,
если пусто во храме?

сентябрь-октябрь 1970